

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев

Первый день

Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид «Полесья» напоминает вид моря. И впечатление им возбуждаются те же; та же первобытная, нетронутая сила расстилается широко и державно перед лицом зрителя. Из недр вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть». Но лес однообразнее и печальнее моря, особенно сосновый лес, постоянно одинаковый и почти бесшумный. Море грозит и ласкает, оно играет всеми красками, говорит всеми голосами; оно отражает небо, от которого тоже веет вечностью, но вечность как будто нам нечуждой... Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо – и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет – вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность – и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значение и в свою силу.

Вот какие мысли приходили мне на ум несколько лет тому назад, когда, стоя на крыльце постоялого двора, построенного на берегу болотистой речки Ресеты, увидел я впервые Полесье. Длинными сплошными уступами разбегались передо мною синеватые громады хвойного леса; кой-где лишь пестрели зелеными пятнами небольшие березовые рощи; весь кругозор был охвачен бором; нигде не белела церковь, не светлели поля – всё деревья да деревья, всё зубчатые верхушки – и тонкий, тусклый туман, вечный туман Полесья висел вдали над ними. Не ленью, этой неподвижностью жизни, нет – отсутствием жизни, чем-то мертвым, хотя и величавым, веяло мне со всех краев небосклона; помню, большие белые тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркий летний день лежал недвижно на безмолвной земле. Красноватая вода речки скользила без плеска между густыми тростниками; на дне ее смутно виднелись круглые бугры иглисто-моха, а берега то исчезали в болотной тине, то резко белели рассыпчатым и мелким песком. Мимо самого двора шла уездная, торная дорога.

На этой дороге, прямо против крыльца, стояла телега, нагруженная коробами и ящиками. Владелец ее, худошавый мещанин с ястребиным носом и мышинными глазками, сгорбленный и хромым, впрягал в нее свою, тоже хромую, лошаденку; это был пряничник, который пробирался на Карачевскую ярмарку. Вдруг показалось на дороге несколько людей; за ними потянулись другие... наконец, повалила целая гурьба; у всех были палки в руках и котомки за плечами. По их походке, усталой и развалистой, по загорелым лицам видно было, что они шли издалеча: это юхновцы, копачи, возвращались с заработков. Старик лет семидесяти, весь белый, казался, предводительствовал ими; он изредка оборачивался и спокойным голосом понукал отсталых. «Но, но, но, ребятушки, – говорил он, – но-о». Все они шли молча, в какой-то важной тишине. Один лишь только, низкого роста и на вид сердитый, в тулупе нараспашку, в бараньей шапке, надвинутой на самые глаза, поравнявшись с пряничником, вдруг спросил его:

– Почему пряник, шут?

– Каков будет пряник, любезный человек, – возразил тонким голосом озадаченный торговец. – Есть и в копейку – а то и грош дать надо. А есть ли грош в мошне-то?

– Да от него, чай, в брюхе просолодит, – возразил тулуп и отошел от телеги.

– Поспешите, ребятушки, поспешите! – послышался голос старика, – до ночлега далеко.

– Необразованный народ, – проговорил, искоса взглянув на меня, пряничник, как только вся толпа провалила мимо, – разве это кушанье про них?

И, наскоро снарядивши свою лошаду, спустился он к речке, на которой виднелся маленький бревенчатый паром. Мужик, в белом войлочном «шлыке» (обыкновенной полешской шапке), вышел из низкой землянки ему навстречу и переправил его на противоположный берег. Тележка поползла по изрытой и выбитой дороге, изредка взвизгивая одним колесом.

Я покормил лошадей – и тоже переправился. Протащившись версты с две болотистым лугом, взобрался я, наконец, по узкой гати в просеку леса. Тарантас неровно запрыгал по круглым бревешкам; я вылез и пошел пешком. Лошади выступали дружным шагом, фыркая и отмахиваясь головами от комаров и мошек. Полесье приняло нас в свои недра. С окраины, ближе к лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потом они стали реже попадаться, сплошной стеной надвинулся густой ельник; далее покраснели голые стволы сосенника, а там опять потянулся смешанный лес, заросший снизу кустами орешника, черемухи, рябины и крупными сочными травами. Солнечные лучи ярко освещали верхушки деревьев и, рассыпаясь по ветвям, лишь кое-где достигали до земли побледневшими полосами и пятнами. Птиц почти не было слышно – они не любят больших лесов; только по временам раздавался заунывный, троекратный визглас удода да сердитый крик ореховки или сойки; молчаливый, всегда одинокий визоронок перелетал через просеку, сверкая золотистой лазурью своих красивых перьев. Иногда деревья редели, расступались, впереди светлело, тарантас выезжал на расчищенную песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, бесшумно качая свои бледные колосики; в стороне темнела ветхая часовенка с покривившимся крестом над колодцем, невидимый ручеек мирно болтал переливчатыми и гулками звуками, как будто втекающая в пустую бутылку; а там вдруг дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лес стоял кругом до того старый, высокий и дремучий, что даже воздух казался спертым. Местами просека была вся залита водой; по обеим сторонам расстилалось лесное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелким ольшаником; утки взлетывали попарно – и странно было видеть этих водяных птиц, быстро мелькающих между соснами. «Га, га, га, га», – неожиданно поднимался протяжный крик; то пастух гнал стадо через мелколесье; бурая корова с острыми короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась как вкопанная на краю просеки, уставив свои большие темные глаза на бежавшую передо мной собаку; ветерок приносил тонкий и крепкий запах жженого дерева; белый дымок расплзался вдали круглыми струйками по бледно-синему лесному воздуху: знать, мужичок промышлял уголь на стеклянный завод или на фабрику. Чем дальше мы подвигались, тем глуше и тише становилось вокруг. В бору всегда тихо: только идет там высоко над головою какой-то долгий ропот и сдержанный гул по верхушкам... Едешь, едешь, не перестает эта вечная лесная молвь, и начинает сердце ныть понемногу, и хочется человеку выйти поскорей на простор, на свет, хочется ему вздохнуть полной грудью – и давит его эта пахучая сырость и гниль... Верст пятнадцать ехали мы шагом, изредка рысцой. Мне хотелось засветло попасть в село Святое, лежащее в самой середине леса. Раза два встретились мне мужички с надранным лыком или с длинными бревнами на телегах.

– Далеко ли до Святого? – спросил я одного из них.

– Нет, недалеко.

– А сколько?

– Да версты три будет.

Прошло часа полтора. Мы все ехали да ехали. Вот опять заскрипела нагруженная телега. Мужик шел сбоку.

– Сколько, брат, осталось до Святого?

– Чего?

– Сколько до Святого?

– Восемь верст.

Солнце уже садилось, когда я, наконец, выбрался из леса и увидел перед собою небольшое село. Дворов двадцать лепилось вокруг старой, деревянной, одноглавой церкви с зеленым куполом и крошечными окнами, ярко рдевшими на вечерней заре.

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Это было Святое. Я въехал в околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантас и с мычаньем, хрюканьем и блеяньем пробежало мимо. Молодые девки, хлопотливые бабы встречали своих животных; белоголовые мальчишки гнались с веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алела.

Я остановился у старосты, хитрого и умного «полехи», из тех полей, про которых говорят, что они на два аршина под землю видят. На другой день рано отправился я в тележке, запряженной парой толстопузых крестьянских лошадей, с старостиним сыном и другим крестьянином, по имени Егором, на охоту за глухарями и рябчиками. Лес синел сплошным кольцом по всему краю неба – десяти двести, не больше, считалось распаханного поля вокруг Святого; но до хороших мест приходилось ехать верст семь. Старостина сына звали Кондратом. Это был малый молодой, русский и краснощекий, с добрым и смиренным выражением лица, услужливый и болтливый. Он правил лошаадьми. Егор сидел со мною рядом. Мне хочется сказать о нем слова два.

Он считался лучшим охотником во всем уезде. Все места, верст на пятьдесят кругом, он исходил вдоль и поперек. Он редко выстреливал по птице, за скудостью пороха и дроби; но с него уже того было довольно, что он рябчика подманил, подметил точок дупелиный. Егор слыл за чело века правдивого и за «молчальника». Он не любил говорить и никогда не преувеличивал числа найденной им дичи – черта, редкая в охотнике. Роста он был среднего, сухощав, лицо имел вытянутое и бледное, большие, честные глаза. Все черты его, особенно губы, правильные и постоянно неподвижные, дышали спокойствием невозмутимым. Он улыбался слегка и как-то внутрь, когда произносил слова, – очень мила была эта тихая улыбка. Он не пил вина и работал прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дети умирали; он «забеднял» и никак не мог справиться. И то сказать, страсть к охоте не мужицкое дело, и кто «с ружьем балует» – хозяин плохой. От постоянного ли пребывания в лесу, лицом к лицу с печальной и строгой природой того нелюдимого края, вследствие ли особенного склада и строя души, но только во всех движениях Егора замечалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость – важность статного оленя. Он на своем веку убил семь медведей, подкараулив их на «овсах». В последнего он только на четвертую ночь решился выстрелить: медведь все не становился к нему боком, а пуля у него была одна. Егор убил его накануне моего приезда. Когда Кондрат привел меня к нему, я застал его на задворке; присевши на корточки перед громадным зверем, он вырезывал из него сало коротким и тупым ножом.

– Какого же ты молодца повалил! – заметил я.

Егор поднял голову и посмотрел сперва на меня, а потом на пришедшую со мной собаку.

– Коли охотиться приехали, в Мошном глухари есть – три выводка, да рябцев пять, – промолвил он и снова принялся за свою работу.

С этим-то Егором да с Кондратом я и поехал на другой день на охоту. Живо перекатили мы поляну, окружавшую Святое, а выехавши в лес, опять потащились шагом.

– Вон витютень сидит, – заговорил вдруг, оборотившись ко мне, Кондрат, – хорошо бы сшибить!

Егор посмотрел в сторону, куда Кондрат указывал, и ничего не сказал. До витютня шагов было сто с лишком, а его и на сорок шагов не убьешь: такова у него крепость в перьях.

Еще несколько замечаний сделал словоохотливый Кондрат; но лесная тишь недаром охватила и его: он умолк. Лишь изредка перекидываясь словами, да поглядывая вперед, да прислушиваясь к пыхтенью и храпу лошадей, добрались мы, наконец, до «Мошного». Этим именем назывался крупный сосновый лес, изредка поросший ельником. Мы слезли; Кондрат вдвинул телегу в кусты, чтобы комары лошадей не кусали. Егор осмотрел курок ружья и перекрестился: он ничего без креста не начинал.

Лес, в который мы вступили, был чрезвычайно стар. Не знаю, бродили ли по нем татары, но русские воры или литовские люди смутного времени уже наверное могли скрываться в его захолустьях. В почтительном расстоянии друг от друга

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru поднимались могучие сосны громадными, слегка искривленными столбами бледно-желтого цвета; между ними стояли, вытянувшись в струнку, другие, помоложе. Зеленоватый мох, весь усеянный мертвыми иглами, покрывал землю; голубика росла сплошными кустами; крепкий запах ее ягод, подобный запаху выхухоли, стеснял дыхание. Солнце не могло пробиться сквозь высокий намет сосновых ветвей; но в лесу было все-таки душно и не темно; как крупные капли пота, выступала и тихо ползла вниз тяжелая, прозрачная смола по грубой коре деревьев. неподвижный воздух без тени и без света жег лицо. Все молчало; даже шагов наших не было слышно; мы шли по мху, как по ковру; особенно Егор двигался бесшумно, словно тень; под его ногами даже хворостинка не трещала. Он шел не торопясь и изредка посвистывая в пищик; рябчик скоро отозвался и в моих глазах нырнул в густую елку; но напрасно указывал мне его Егор: как я ни напрягал свое зрение, а рассмотреть его никак не мог; пришлось Егору по нем выстрелить. Мы нашли также два выводка глухарей; осторожные птицы поднимались далеко, с тяжелым и резким стуком; нам, однако, удалось убить трех молодых.

У одного майдана[1] Егор вдруг остановился и подозвал меня.

– Медведь воды хотел достать, – промолвил он, указывая на широкую, свежую царапину на самой середине ямы, затянутой мелким мхом.

– Это след его лапы? – спросил я.

– Его; да вода-то пересохла. На той сосне тоже его след: за медом лазил. Как ножом прорубил, когтями-то.

Мы продолжали забираться в самую глушь леса. Егор только изредка посматривал вверх и шел вперед спокойно и самоуверенно. Я увидел круглый, высокий вал, обнесенный полусасыпанным рвом.

– Что это, майдан тоже? – спросил я.

– Нет, – отвечал Егор, – здесь воровской городок стоял.

– Давно?

– Давно; дедам нашим за память. Тут и клад зарыт. Да зарок положен крепкий: на человечью кровь.

Мы прошли еще версты с две; мне захотелось пить.

– Посидите маленько, – сказал Егор, – я схожу за водой, тут колодезь недалеко.

Он ушел; я остался один.

Я присел на срубленный пень, оперся локтями на колени и, после долгого безмолвия, медленно поднял голову и оглянулся. О, как все кругом было тихо и сурово-печально – нет, даже не печально, а немо, холодно и грозно в то же время! Сердце во мне сжалось. В это мгновение на этом месте я почувствовал веяние смерти, я ощутил, я почти осязал ее непрестанную близость. Хоть бы один звук задрожал, хотя бы мгновенный шорох поднялся в неподвижном зеве обступившего меня бора! Я снова, почти со страхом, опустил голову; точно я заглянул куда-то, куда не следует заглядывать человеку... Я закрыл глаза рукою – и вдруг, как бы повинувшись таинственному повелению, я начал припоминать всю мою жизнь...

Вот мелькнуло передо мной мое детство, шумливое и тихое, задорное и доброе, с торопливыми радостями и быстрыми печалью; потом возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всеми ее ошибками и начинаниями, с беспорядочным трудом и взволнованным бездействием... Пришли на память и они, товарищи первых стремлений... потом, как молния в ночи, сверкнуло несколько светлых воспоминаний... потом начали нарастать и надвигаться тени, темнее и темнее стало кругом, глуше и тише побежали однообразные годы – и камнем на сердце опустилась грусть. Я сидел неподвижно и глядел, глядел с изумлением и усилием, точно всю жизнь свою я перед собою видел, точно свиток развивался у меня перед глазами. О, что я сделал! – невольно шептали горьким шепотом мои губы. О жизнь, жизнь, куда, как ушла ты так бесследно? Как выскользнула ты из крепко стиснутых рук? Ты ли меня обманула, я ли не умел воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? эта малость, эта бедная горсть пыльного пепла – вот все, что осталось от тебя? Это

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
холодное, неподвижное, ненужное нечто – это я, тот прежний я? Как? Душа ждала счастья такого полного, она с таким презрением отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала: вот-вот нахлынет счастье потоком – и ни одной каплей не смочило алкавших губ? О золотые мои струны, вы, так чутко, так сладостно дрожавшие когда-то, я так и не услышал вашего пенья... вы и звучали только – когда рвались. Или, может быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой – да я не умел признать его божественного лица? Или оно точно посещало меня и сидело у моего изголовья, да позабылось мною, как сон? Как сон, повторял я уныло. Неуловимые образы бродили по душе, возбуждая в ней не то жалость, не то недоумение... А вы, думал я, милые, знакомые, погибшие лица, вы, обступившие меня в этом мертвом уединении, отчего вы так глубоко и грустно безмолвны? Из какой бездны возникли вы? Как мне понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, приветствуете ли вы меня? О, неужели нет надежды, нет возврата? Зачем полились вы из глаз, скупые, поздние капли? О сердце, к чему, зачем еще жалеть, старайся забыть, если хочешь покоя, приучайся к смирению последней разлуки, к горьким словам: «прости» и «навсегда». Не оглядывайся назад, не вспоминай, не стремись туда, где светло, где смеется молодость, где надежда венчается цветами весны, где голубка-радость бьет лазурными крылами, где любовь, как роса на заре, сияет слезами восторга; не смотри туда, где блаженство, и вера, и сила – там не наше место!

– Вот вам вода, – раздался за мною звучный голос Егора, – пейте с богом.

Я невольно вздрогнул: живая эта речь поразила меня, радостно потрясла все мое существование. Точно я падал в неизведанную, темную глубь, где уже все стихало кругом и слышался только тихий и непрестанный стон какой-то вечной скорби... я замирал, но противиться не мог, и вдруг дружеский зов долетел до меня, чья-то могучая рука одним взмахом вынесла меня на свет божий. Я оглянулся и с несказанной отрадой увидел честное и спокойное лицо моего провожатого. Он стоял передо мной легко и стройно, с обычной своей улыбкой, протягивая мне мокрую бутылочку, всю наполненную светлой влагой... Я встал.

– Пойдем, веди меня, – сказал я с увлечением.

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Как только жара «свалила», в лесу стало так быстро холодать и темнеть, что оставаться в нем уже не хотелось. «Ступайте вон, беспокойные живые», – казалось, шептал он нам угрюмо из-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, он не отзывался. Вдруг, среди чрезвычайной тишины в воздухе, слышим мы, ясно раздается его «тпру, тпру», в близком от нас овраге... Он не слышал наших криков от ветра, который внезапно разыгрался и так же внезапно упал совершенно. Только на отдельно стоявших деревьях виднелись следы его порывов: многие листья были поставлены им наизнанку и так и остались, придавая пестроту неподвижной листве. Мы взобрались в телегу и покатали домой. Я сидел, покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного резкий воздух, и все мои недавние мечтанья и сожаленья потонули в одном ощущении дремоты и усталости, в одном желании поскорее вернуться под крышу теплого дома, напиться чаю с густыми сливками, зарыться в мягкое рыхлое сено и заснуть, заснуть, заснуть...

День второй

На следующее утро мы опять втроем отправились на «Гарь». Лет десять тому назад несколько тысяч десятин выгорело в Полесье и до сих пор не заросло; кой-где пробиваются молодые елки и сосенки, а то все мох да перележалая зола. На этой «Гари», до которой от Святого считается верст двенадцать, растут всякие ягоды в великом множестве и водятся тетерева, большие охотники до земляники и брусники.

Мы ехали молча, как вдруг Кондрат поднял голову.

– Э! – воскликнул он, – да это никак Ефрем стоит. Здорово, Александрыч, – прибавил он, возвысив голос и приподняв шапку.

Небольшого роста мужик в черном коротком армяке, подпоясанном веревкой, вышел из-за дерева и приблизился к телеге.

– Аль отпустили? – спросил Кондрат.

– А то небось нет! – возразил мужичок и оскалил зубы. – Нашего брата держать не приходится.

– И Петр Филиппыч ничего?

– Филиппов-то? Знамо дело, ничего.

– Вишь ты! А я, Александрыч, думал: ну, брат, думал я, теперь ложись гусь на сковороду!

– От Петра Филиппова-то? Вона! Видали мы таких. Суется в волки, а хвост собачий. На охоту, что ль, едешь, барин? – спросил вдруг мужичок, быстро вскинув на меня свои прищуренные глазки, и тотчас опустил их снова.

– На охоту.

– А куда примерно?

– На Гарь, – сказал Кондрат.

– Едете на Гарь, не наехать бы на пожар.

– А что?

– Видал я глухарей много, – продолжал мужичок, все как бы посмеиваясь и не отвечая Кондрату, – да вам туда не попасть: напрямик верст двадцать будет. Вот и Егор – что говорить! в бору, как у себя на дворе, а и тот не продерется. Здорово, Егор, божия душа в полтора гроша, – гаркнул он вдруг.

– Здорово, Ефрем, – медленно возразил Егор.

Я с любопытством посмотрел на этого Ефрема. Такого странного лица я давно не видывал. Нос имел он длинный и острый, крупные губы и жидкую бородку. Его голубые глазки так и бегали, как живчики. Стоял он развязно, легонько подпершись руками в бока и не ломая шапки.

– На побывку домой, что ли? – спросил его Кондрат.

– Эк-ста, на побывку! Теперь, брат, погода не та: разгулялось. Широко, брат, стало, во как. Хоть до зимы на печи лежи, никакá собака не чукнет. Мне в городе говорил этот-та производитель: брось, мол, нас, Лександрыч, выезжай из уезда вон, пачпорт дадим первый сорт... да жаль мне вас, святовских-то: такого вам вора другого не нажить.

Кондрат засмеялся.

– Шутник ты, дядюшка, право, шутник, – проговорил он и тряхнул вожжами. Лошади тронулись.

– Тпру, – промолвил Ефрем. Лошади остановились. Кондрату не понравилась эта выходка.

– Полно озорничать, Александрыч, – заметил он вполголоса. – Вишь, с баринoм едем. Осерчает, гляди.

– Эх ты, морской селезень! С чего ему серчать-то? Барин он добрый. Вот посмотри, он мне на водку даст. Эх, барин, дай проходимцу на косушку! Уж раздавлю ж я ее, – подхватил он, подняв плечо к уху и скрипнув зубами.

Я невольно улыбнулся, дал ему гривенник и велел Кондрату ехать.

– Много довольны, ваше благородие, – крикнул по-солдатски нам вслед Ефрем. – А ты, Кондрат, напредки знай, у кого учиться; оробел – пропал, смел – съел. Как вернешься, у меня побывай, слышь, у меня три дня попойка стоять будет, сшибем горла два; жена у меня баба хлещкая, двор на полозу... Гей, сорока-белобока, гуляй, пока хвост цел!

И, засвистав резким свистом, Ефрем юркнул в кусты.

– Что за человек? – спросил я Кондрата, который, сидя на облучке, все потряхивал

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
головой, как бы рассуждая сам с собою.

– Тот-то? – возразил Кондрат и потупился. – Тот-то? – повторил он.

– Да. Он ваш?

– Наш, святовский. Это такой человек... Такого на сто верст другого не сыщешь. Вор и плут такой – и боже ты мой! На чужое добро у него глаз так и коробится. От него и в землю не зароешься, а что деньги, например, из-под самого хребта у тебя вытащит, ты и не заметишь.

– Какой он смелый!

– Смелый? Да он никого не боится. Да вы посмотрите на него: по физиономии бестиян, с носу виден. (Кондрат часто ездил с господами и в губернском городе бывал, а потому любил при случае показать себя.) Ему и сделать-то ничего нельзя. Сколько раз его и в город возили и в острог сажали, только убытки одни. Его станут вязать, – а он говорит: «Что ж, мол, вы ту ногу не путаете? путайте и ту, да покрепче, я пока поплюю; а домой я раньше ваших провожатых поспею». Глядишь: точно, опять вернулся, опять тут, ах ты, боже ты мой! Уж на что мы все, здешние, лес знаем, приобькли сызмала, а с ним поравняться немочно. Прошлым летом, ночью, напрямки из Алтухина в Святое пришел, а тут никто и не хаживал отродясь, верст сорок будет. Вот и мед красть, на это он первый человек; и пчела его не жалит. Все пасеки разорил.

– Я думаю, он и бортам спуска не дает.

– Ну нет, что напраслину на него взводить? Такого греха за ним не замечали. Борт у нас святое дело. Пасека огорожена; тут караул; коли утащил – твое счастье; а бортовая пчела дело божие, не береженое; один медведь ее трогает.

– Зато он и медведь, – заметил Егор.

– Он женат?

– Как же. И сын есть. Да и вор же будет сын-то! В отца вышел весь. Уж он его и теперь учит. Намеднись горшок с старыми пятаками притащил, украл где-нибудь, значит, пошел, да зарыл его на полянке в лесу, а сам вернулся домой, да и послал сына на полянку. Пока, говорит, горшка не отыщешь, есть тебе не дам и на двор не пущу. Сын-то день целый просидел в лесу, и ночевал в лесу, а нашел-таки горшок. Да, мудреный это Ефрем. Пока дома – любезный человек, всех потчует: пей, ешь, сколько хочешь, пляска тут у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходке, такая у нас сходка на селе бывает, уж лучше его никто не рассудит; подойдет сзади, послушает, скажет слово, как отрубит, и прочь; да уж и слово-то веское. А как вот уйдет в лес, ну, так беда! Жди разорения. А и то сказать: он своих не трогает, разве самому тесно придется. Коли встретит кого святовского – «обходи, брат, мимо, – кричит издали, – на меня лесной дух нашел: убью!» Беда!

– Чего же вы смотрите! Целая вотчина с одним человеком справиться не может?

– Да уж пожалуй, что так.

– Колдун он, что ли?

– Кто его знает! Вот намеднись он к соседнему дьячку на пасеку забрался ночью, а дьячок-то караулил сам. Ну, поймал его, да впотемках и приколотил. Как кончил, Ефрем-то и говорит ему: а знаешь ты, кого бил? Дьячок, как узнал его по голосу, так и обомлел. Ну, брат, говорит Ефрем, это тебе даром не пройдет. Дьячок ему в ноги: возьми, мол, что хочешь. Нет, говорит, я с тебя в свое время возьму, да и чем захочу. Что ж вы думаете? Ведь с самого того дня дьячок-то, словно ошпаренный, как тень бродит! Сердце, говорит, во мне изныло; слово больно крепкое, звать, залепил мне разбойник. Вот что с ним случилось, с дьячком-то.

– Дьячок этот, должно быть, глуп, – заметил я.

– Глуп? А вот это как вы рассудите. Вышел раз приказ изловить этого самого Ефрема. Становой такой у нас завелся вострый. Вот и пошло человек десять в лес ловить Ефрема. Смотрят, а он им навстречу идет... Один-то из них и закричи: вот

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
он, вот он, держите его, вяжите! А Ефрем вошел в лес да вырезал себе древо, этак перста в два, да как выскочит опять на дорогу, безобразный такой, страшный, как скомандует, словно енарал на разводе: «На коленки!» – все так и попадали. «А кто, говорит, тут кричал: держите, вяжите? Ты, Серега?» Тот-то как вскочит да бежать... А Ефрем за ним, да деревом-то его по пяткам... С версту его гладил. И потом все еще жалел: «Эх, мол, досадно: заговореться ему не помешал». Дело-то было перед самыми Филипповками. Ну, а станového в скором времени сместили, – тем все и покончилось.

– Зачем же они ему все покорились?

– Зачем! то-то и есть...

– Он вас всех запугал, да и делает теперь с вами, что хочет.

– Запугал... Да он кого хочешь запугает. И уж горазд же он на выдумки, боже ты мой! Я раз в лесу на него наткнулся, дождь такой шел здоровый, я было в сторону... А он поглядел на меня, да этак меня ручкою и подозвал. «Подойди, мол, Кондрат, не бойся. Поучись у меня, как в лесу жить, на дождю сухим быть». Я подошел, а он под елкой сидит и огонек развел из сырых веток: дым-то набрался в елку и не дает дождю капать. Подивился я тут ему. А то вот он раз что выдумал (и Кондрат засмеялся), вот уж потешил. Овес у нас молотили на току, да не кончили; последний ворох сгрести не успели; ну и посадили на ночь двух караульчиков, а ребята-то были не из бойких. Вот сидят они да гуторят, а Ефрем возьми да рукава рубахи соломой набей, концы завяжи, да на голову себе рубаху и надень. Вот подкрался он в эдаком-то виде к овину, да и ну из-за угла показываться, помаленьку роги-то свои выставлять. Один-то малый и говорит другому: видишь? – Вижу, говорит другой, да как ахнут вдруг... только плетни затрещали. А Ефрем нагреб овса в мешок, да и стащил к себе домой. Сам потом все рассказал. Уж стыдил же он, стыдил ребят-то... Право!

Кондрат засмеялся опять. И Егор улыбнулся. «Так только плетни затрещали?» – промолвил он.

– Только их и видно было, – подхватил Кондрат. – Так и пошли сигать!

Мы опять все притихли. Вдруг Кондрат всполохнулся и выпрямился.

– Э, батюшки, – воскликнул он, – да это никак пожар!

– Где, где? – спросили мы.

– Вон смотрите, впереди, куда мы едем... Пожар и есть! Ефрем-то, Ефрем ведь напорочил! Уж не его ли это работа, окаянная он душа...

Я взглянул по направлению, куда указывал Кондрат. Действительно, верстах в двух или трех впереди нас, за зеленой полосой низкого ельника, толстый столб сизого дыма медленно поднимался от земли, постепенно выгибаясь и расплываясь шапкой; от него вправо и влево виднелись другие, поменьше и побелее.

Мужик, весь красный, в поту, в одной рубашке, с растрепанными волосами над испуганным лицом, наскочил прямо на нас и с трудом остановил свою поспешно взнузданную лошаденку.

– Братцы, – спросил он задыхающимся голосом, – полесовщиков не видали?

– Нет, не видали. Что это, лес горит?

– Лес. Народ согнать надо, а то, коли к Тросному кинется...

Мужик задергал локтями, заколотил пятками по бокам лошади... Она поскакала.

Кондрат также погнал свою пару. Мы ехали прямо на дым, который расстилался все шире и шире; местами он внезапно чернел и высоко взвизывался. Чем ближе мы подвигались, тем неяснее становились его очертания; скоро весь воздух потускнел, сильно запахло горелым, и вот, между деревьями, странно и жутко шевелясь на солнце, мелькнули первые, бледно-красные языки пламени.

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Ну, слава богу, – заметил Кондрат, – кажется, пожар-то позёмный.

– Какой?

– Позёмный; такой, что по земле бежит. Вот с подземным мудрено ладить. Что тут сделаешь, когда земля на целый аршин горит? Одно спасение: копай канавы – да это разве легко? А позёмный – ничего. Только траву сбреет да сухой лист сожжет. Еще лучше лесу от него бывает. Ух, батюшки, гляди, однако, как шибануло!

Мы подъехали почти к самой черте пожара. Я слез и пошел к нему навстречу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бежал по редкому сосновому лесу против ветра; он подвигался неровной чертой или, говоря точнее, сплошной зубчатой стенкой загнутых назад языков. Дым относил ветром. Кондрат сказал правду: это действительно был поземный пожар, который только брил траву и, не разыгрываясь, шел дальше, оставляя за собою черный и дымящийся, но даже не тлеющий след. Правда, иногда там, где огню попадалась яма, наполненная дромом и сухими сучьями, он вдруг, и с каким-то особенным, довольно зловещим ревом, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадал и бежал вперед по-прежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не раз заметил, как кругом охваченный дубовый куст с сухими, висячими листьями оставался нетронутым, только снизу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не мог понять, отчего сухие листья не загорались. Кондрат объяснял мне, что это происходило оттого, что пожар поземный, «значит, не сердитый». Да ведь огонь тот же, возражал я. Поземный пожар, повторил Кондрат. Однако, хоть и поземный, а пожар все-таки производил свое действие: зайцы как-то беспорядочно бегали взад и вперед, безо всякой нужды возвращаясь в соседство огня; птицы попадали в дым и кружились, лошади оглядывались и фыркали, самый лес как бы гудел, – да и человеку становилось неловко от внезапно бьющего ему в лицо жара...

– Чего смотреть! – сказал вдруг Егор за моей спиной. – Поедемте.

– Да где проехать? – спросил Кондрат.

– Возьми влево, по сухоболотью проедем.

Мы взяли влево и проехали, хоть иногда трудненько приходилось и лошадям и телеге.

Целый день протаскались мы по Гари. Перед вечером (заря еще не покраснелась на небе, но тени от деревьев уже легли неподвижные и длинные, и чувствовался в траве холодок, который предшествует росе) я прилег на дорогу вблизи телеги, в которую Кондрат не спеша впрягал наевшихся лошадей, и вспомнил свои вчерашние невеселые мечтанья. Кругом все было так же тихо, как и накануне, но не было давящего и теснящего душу бора; на высохшем мхе, на лиловом бурьяне, на мягкой пыли дороги, на тонких стволах и чистых листочках молодых берез лежал ясный и кроткий свет уже беззнойного, невысокого солнца. Все отдыхало, погруженное в успокоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось к целебным усыпленьям вечера и ночи. Все, казалось, говорило человеку: «Отдохни, брат наш; дыши легко и не горюй и ты перед близким сном». Я поднял голову и увидел на самом конце тонкой ветки одну из тех больших мух с изумрудной головкой, длинным телом и четырьмя прозрачными крыльями, которых кокетливые французы величают «девицами», а наш бесхитростный народ прозвал «коромыслами». Долго, более часа не отводил я от нее глаз. Насквозь пропеченная солнцем, она не шевелилась, только изредка поворачивала головку со стороны на сторону и трепетала приподнятыми крылышками... вот и все. Глядя на нее, мне вдруг показалось, что я понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный смысл. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится. Все, что выходит из-под этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно, – выбрасывается ею вон, как негодное. Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви; больной зверь забивается в чашу и угасает там один: он как бы чувствует, что уже не имеет права ни видеть всем общего солнца, ни дышать вольным воздухом, он не имеет права жить; а человек, которому от своей ли вины, от вины ли других пришлось худо на свете, должен по крайней мере уметь молчать.

– Ну, что ж ты, Егор! – воскликнул вдруг Кондрат, который уже успел поместиться на облучке телеги и поигрывал и перебирал вожжами, – иди садись. Чего задумался?

Поездка в Полесье. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Аль о корове все?

– О корове? О какой корове? – повторил я и взглянул на Егора: спокойный и важный, как всегда, он действительно, казалось, задумался и глядел куда-то вдаль, в поля, уже начинавшие темнеть.

– А вы не знаете? – подхватил Кондрат, – у него сегодня ночью последняя корова околела. Не везет ему – что ты будешь делать?..

Егор сел молча на облучок, и мы поехали. «Этот умеет не жаловаться», – подумал я.

1857

Примечания

1 «Майданом» называется место, где гнали деготь.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!